

ЭММА

1962 год

В один день все перевернулось с ног на голову.

Массивная дверь за спиной Эммы закрылась, отрезав ее от прошлого. Октябрьское солнце неожиданно ослепило, заставив остановиться и зажмуриться.

«Брата у меня больше нет! Он для меня умер!» — пронеслось в голове.

— Здравствуйте, Эмма Робертовна...

Она открыла глаза. Мимо прошел опрятный молодой человек. Наверное, ее ученик. Теперь уже бывший.

Эмма сделала глубокий вдох и быстро пошла в сторону улицы Кирова.

Позади были надежные стены Лубянки, защищавшие ее почти восемь лет. Впереди — огромная площадь и сугуба. «Железный Феликс» стоял к ней спиной. Казалось, даже памятник всем своим видом показывал, что ее больше не существует. Вердикт: «Уволена в связи с сокращением штата».

Но перед этим, в приватной беседе с неким очень уважаемым чиновником, Эмма узнала новость. Это заставило ее умереть и родиться заново.

— Мы очень ценим то, что вы сделали для нашего дела. Подготовка офицеров проводилась качественно, но факт остается фактом, — продолжало греметь в голове. — Ваш брат — предатель...

Эмма шла, не замечая шума улиц. Мысли летели в прошлое.

Две недели назад Карла провожали на конференцию в Германию большим, дружным медицинским коллективом. Последние наставления, перспективы... Эмма была счастлива, что именно ее брата Учитель выделил, сделав своим преемником. И вот теперь она потеряла брата, потеряла статус «незапятнанной личности», интересную

работу в одной из самых влиятельных организаций страны, но главное — возможность общения с дорогим человеком, с Учителем. Он явно дал понять, что между ними, между их семьями не может быть никаких отношений. Карл ранил его слишком глубоко.

Впереди показался вестибюль станции метро «Кировская». Пятнадцать минут до «Кропоткинской» — и Эмма дома.

«Нет, только не домой!..»

Она обогнула красивое здание с колоннами, пропустила трамвай и побрела по бульвару.

Вокруг почти никого: только пенсионеры, порой слишком громкие в своих пересудах. Протирая краску на скамейках, они с любопытством провожали взглядами невысокую женщину с подчеркнута королевской осанкой.

«Эмма, помни, ты уникальна. Ты сможешь добиться многого...» — голос Учителя отрывался с пестрыми листьями и летел, подгоняемый холодным ветром.

Ей сорок восемь. Она выдержит. Как выдержала первый удар: сильный и не менее болезненный.

В ту осень тридцать первого года Эмме было почти семнадцать. И прекрасно образованная, уверенная в себе девушка превратилась буквально в ребенка: как сухая почва, она впитывала все, что ОН говорил.

ОН. Учитель. Молодой талантливый ученый-психолог, притягивающий к себе таких же увлеченных тайнами человеческой сущности коллег.

Его ум, интеллигентность и целеустремленность полностью завладели мыслями многих студентов. Образовался узкий круг единомышленников. Карл входил в него, был одним из немногих, кто сопровождал Учителя в поездках. А Эмма, пользуясь новыми веяниями о свободе женщины в молодом Советском государстве, сопровождала брата. Она преклонялась перед талантливым ученым, чуть дышала рядом с ним и не покидала часами последний ряд аудиторий.

Брат подшучивал над ней и называл «кроликом под гипнозом». Ей же было все равно. Не имело значения, что думает и говорит брат или кто-то еще. Главное, ОН позволяет посещать его потрясающие лекции.

Когда же студенты и Учитель никак не могли расстаться, она шла за ними, вслушиваясь в Его голос, и часто чувствовала на себе Его умный пронизывающий взгляд.

Тот опыт и те ощущения давали ей теперь возможность не сойти с ума.

«Эмма, представь. Ты в лесу. Ты идешь по тропинке. Светит солнце, пропуская косые лучи через пышные кроны сосен. Лес светлый, сухой, приветливый. Каждое дерево будто кланяется тебе и хочет поведать свою историю. Что ты слышишь? Расскажи мне...»

Ватага мальчишек пронеслась мимо скамейки, на которую присела Эмма: она вздрогнула и напряглась всем телом — не хотелось возвращаться, не хотелось терять звук Его голоса.

Тогда она покорила Его, увлекла. Ее юность и любознательность не могли остаться незамеченными. Он стал для нее единственным счастьем и самым близким человеком. Но ненадолго.

Никто не узнал о катастрофе, которую пережила Эмма, прощаясь с первым настоящим в жизни чувством. Так бывает... Так случается... Учитель неожиданно встретил дружю. И Эмма заболела.

Месяц прошел как в тумане — ни жива ни мертва, — но простила. Не смогла не простить. И не могла уйти из жизни, оставив Его в ней.

Став более жесткой, более независимой, она собралась с силами и склеила свой мир из осколков. Получилось коряво, холодно.

«Что ж, пусть...»

Она очень быстро согласилась выйти замуж за Георгия Шеллинга, друга брата.

«Коряво, холодно — и что ж... Многие так живут».

Ее семья с радостью приняла будущего ученого-врача: надежный, ответственный, к тому же у него близкие им немецкие корни. Впоследствии Георгий стал ведущим кардиологом Москвы.

Уже через семь месяцев после свадьбы родился первый сын — Герман, а через два года — второй, Александр.

Но ничего не менялось. Эмма оставалась рядом с Учителем под любым предлогом. Вела дневники, помогала с переводами научной литературы. Упорность сродни безумству: «Пусть ОН женат, а я замужем — и что?»

А в сорок первом началась война. Мужа отправили на фронт, но Эмма сильно не переживала. Да, получала его письма. Да, знала, что он герой. Да, в глубине души гордилась им, верным другом, но не более. Она жила другой жизнью, перемещалась по стране за братом и Учителем, куда бы ни забросило их беспокойное время.

Вернувшись из эвакуации в Москву, Эмма устроилась на кафедру лаборантом. Это было наслаждение: участвовать в творческих поисках гения, создавать для Него условия идеального научного процесса. Документы были в порядке, свежий чай заварен. В любой свободный момент они могли разобрать работу какого-нибудь перспективного студента или интересную научную статью. Он увлекал ее своими рассказами о возможностях человеческого мозга, о глубоком значении молодой науки — нейропсихологии. Она же была прекрасным слушателем, собеседником и соратником в Его повседневных трудах и заботах о нуждах других.

Конечно, со временем возникли вопросы. В штат научных сотрудников стали брать только узких специалистов, и Эмма оказалась не у дел. Но все же на курсах психологии или на совместных семейных вечерах она находила возможность общения с Учителем.

Он посоветовал ее, как отличного репетитора иностранных языков, высокопоставленным знакомым. И когда в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом был сформирован

Комитет госбезопасности СССР, Эмму рекомендовали туда специалистом в области немецкого и французского.

Новая работа преподавателем и консультантом при Высшей школе КГБ помогла ей почувствовать себя «значимым членом общества», каковым она всегда желала стать. Она прочно держалась, имела знакомства и возможности. Весна. Лето. Осень.

Но все рухнуло в один день.

Эмма медленно шла по бульвару. Солнце затянуло тучами. Холодный ветер, пронизывающий насквозь, напоминал о скорой зиме ее нового существования, о вечной зиме — приближающейся старости и безвозвратно потерянной прежней жизни.

«Ты сможешь добиться многого...» — повторял Его голос.

И она свято верила в это, сопротивляясь ненастью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Понять

1995 год

Девяностые для кого-то были наполнены надеждой, а для кого-то — страхом.

Смутное время: одни имели возможность получить от этого мира все, а другие обожглись и потому устремились к иным — духовным поискам.

Вместе с воображаемой свободой бывшие советские почувствовали незащищенность перед новой жизнью — а она кого-то миловала, но чаще все же казнила, заставляя ожесточиться, чтобы продержаться, чтобы вытащить себя и семью. И пусть другие остаются в развалинах старого быта и в нищете, пусть кто-то умирает, теряет близких в военных конфликтах или в темных подворотнях города... Хотелось думать о будущем. Хотелось осветить мрачные улицы и получить возможность жить не только свободно, но и красиво. Мечты, надежды... Жизнь менялась и в стране, и в каждой семье.

1

Марина оторвала взгляд от книги и посмотрела в окно. Снег... Подумать только... Лишь вчера, возвращаясь от подруги, она думала именно про снег... Так хотелось его белизны в мрачный октябрьский вечер. И вот, как по взмаху волшебной палочки, — крупные белые хлопья!

Отложив книгу, она подошла к окну. Земля тихо укрылась пуховым одеялом: было хорошо и спокойно, как утром первого января, когда новый год уже наступил, а ожидание чудес еще осталось.

Однако скоро что-то изменилось.

Черное блестящее пятно на фоне чистого, нетронутого снега быстро приближалось. Оно тревожило, беспокоило резким контрастом. Стали различимы детали: пятно оказалось иномаркой, на капоте которой красовался значок «мерседеса». Редко к ним во двор залетали такие важные птицы!

Плавнов поворачив к девятиэтажке, машина остановилась под окнами. Из салона вышел высокий мужчина, не похожий ни на чопорного банкира, ни на хамоватого бандита. С высоты восьмого этажа Марина с любопытством проследила его путь до подъезда, вернулась в уютное тепло дивана и... читать больше не смогла.

Минут пять она боролась с мыслями и пыталась зацепиться за буквы. И в этот самый момент короткий звонок в дверь неприятно резанул слух. Вздвогнув от неожиданности, девушка поспешила в прихожую.

На пороге стоял высокий мужчина лет тридцати. Он совсем не вписывался в унылую картину обшарпанного подъезда: слишком яркий в унылую рыжей замшевой куртке, слишком нездешний, с легким налетом чего-то сильного, нового. И вот что странно — недовольство на его лице, и так непонятное Марине, сменилось еще более непонятным напряжением, даже жесткостью: он в упор смотрел на нее, хотя смотреть было точно не на

что — бесформенный свитер, растрепанные волосы, припухшие от долгого чтения глаза.

— Вы, наверное, ошиблись? — не выдержав тяжелого взгляда, нарушила молчание Марина.

Почему-то только теперь вспомнилось правило: не открывать незнакомым дверь.

— Извините... Нет... Не ошибся...

Голос оказался приятным, глаза же были какие-то тревожные, странные — Марина словно застряла в них.

— Мне неудобно, но другого выхода нет... — выдохнул гость. — Можно попросить вас передать это вашей соседке? Она, похоже, забыла про меня, а ждать я не могу, — на лице мужчины появилось подобие улыбки.

— Кире? — Марина приняла из его рук небольшой сверток.

— Вы же знакомы?

— Да... Что-то нужно объяснить на словах?

— Нет... Большое спасибо. И извините еще раз!

Марина машинально улыбнулась, проводила взглядом его силуэт, закрыла дверь и посмотрелась в зеркало. Улыбка тут же пропала, а рука потянулась к беспорядочно спутанным темным прядям волос: «Ну и чучело. Угораздило же Киру опоздать!..»

***

Московские улицы пугали темнотой и бесконечностью.

Странный сон!

Она чувствовала, как усталость наваливается, а ноги не могут сделать ни шагу. К тому же не было понимания того, куда и зачем идти. Но вот она оказалась в темной комнате. Покой, безмятежность... Марина спала, ощущая, что над ней склоняется мужчина. И она вроде бы знала его и даже больше — любила. Хотелось, чтобы он остался, поцеловал

ее, но, как только она почувствовала прикосновение, сон оборвался. Понимая, что это уже явь, Марина испуганно подскочила, больно ударившись о нос молодого человека.

— Андрей, ты с ума сошел? Что ты тут делаешь?

— Извини, не удержался...

«Ну и оправдание! Не удержался...»

Отстранив ничуть не смутившегося Андрея, она подошла к окну.

Уже стемнело. Мама вернулась с работы и гремела на кухне посудой. Похоже, она-то и впустила гостя.

Яркий диск луны то пропадал, то вновь появлялся между клочьями облаков. Настроение было отвратительным, таким же мрачным, как эти мутные обрывки в небе — и обрывки ее странного сна.

Что с ней происходило, она не понимала. Кто тот человек во сне — не знала. Но это был точно не Андрей.

Сердце быстро стучало, отдаваясь каждым ударом в висках.

Молодой человек подошел сзади и уверенно обнял ее. Даже слишком уверенно.

***

Они вместе учились в колледже: он познавал азы юриспруденции, она — экономики и финансов. Отношения продолжались уже больше месяца, но пока далее поцелуев дело не заходило.

До этого Марина с грустью наблюдала, как его самолюбие раздувается от повышенного внимания со стороны слабого пола: отдельным бонусом были милые улыбки педагогинь, прощающих недочеты высокому темноволосому мальчику с небесно-синими глазами, обаятельной улыбкой и хорошо сложенной фигурой. Андрей был неглуп, болтлив и симпатичен. А что еще, собственно, нужно в восемнадцать, чтобы влюбиться?

И ведь Марина искренне думала, что ей повезло, когда они неожиданно стали встречаться!

Сначала повезло стать лучшей подругой его сестры-близняшки Юльки. Потом постоянным свидетелем и миротворцем в их бесконечных ссорах.

Первые полгода знакомства Андрей посмеивался над ней, больно задевая самолюбие, вторые полгода с иронией посвящал в свои проблемы в отношениях с сестрой, родителями, учителями. Летом они не виделись: Андрея и Юлю отправили к родственникам в Лондон для закрепления языковых навыков. Но осенью, на первой же дискотеке, он пригласил Марину танцевать и с этого момента уже не выпускал из поля зрения. Они стали так называемой парой.

Юля была не очень счастлива, считая их отношения странными, а своего братца — совершенно никудышным выбором подруги. Его родители тоже не испытывали восторга, волнуясь за будущее сына: дочь простой учительницы не входила в их планы. Мама же боялась подобных отношений, видя их неглубокую и ненадежную основу.

И лишь Марина просто наслаждалась первым в ее жизни серьезным чувством и не хотела ничего знать.

Теперь же она стояла у окна, ощущала его тепло, его руки, но состояние счастья не возвращалось. И, как во сне, усталость наваливалась, а ноги не могли сделать ни шагу, и не было понимания, куда, зачем и нужно ли идти...

— Что с тобой? — полушепотом спросил Андрей.

— Ничего... Просто сон...

— И о чем он?

— Так, ерунда. Не хочу вспоминать.

— По-моему, ты что-то скрываешь...

Повернувшись, Марина уткнулась носом в пуловер Андрея.

Надо было постараться вернуть себя в знакомую колею не такой уж и серой, не такой уж и скучной реальной жизни.

«Не такой уж?..»

Дневник Егора

«20 октября

Прошло пять лет. Я вернулся.

Эмма права: Москва изменилась, а я, похоже, нет.

Что это было? Возможно, показалось...

Я очень хочу, чтобы мне показалось...

Хорошо, хоть стены больше не давят!

Что с этим делать?

Первое — убить Киру!

Второе — еще раз увидеть ее соседку!

Третье — если не показалось, четвертовать Киру..

Тяжело вдруг осознать, что ты всего лишь слабый человек, а твой измученный мозг сам решает, что ему поминить и как реагировать».

2

В конюшне конноспортивного клуба в Сокольниках было тихо, и только изредка переговаривались конюхи да пофыркивали лошади.

Марина привычным движением отодвинула дверь в стойло.

Красавец по кличке Руслан бодро потряхивал черной гривой: здоровый блеск шоколадной масти радовал глаз.

— Ну, мой хороший, успокойся.

Погладив упругую шею коня, она прижалась к ней и поднесла Руслану кусочек сахара.

Ее связь с лошадьми существовала всегда: возможно, еще до рождения — так она, во всяком случае, думала.

Конечно, будь она просто девушкой Мариной, не видать ей лошадей как собственных ушей: зарплата мамы позволяла любоваться ими только издалека. Но она была Марина Северова — дочь известного жокея, заслуженного тренера клуба.